

# ОДИССЕЙ



2008

Script/Oralia: взаимодействие  
устной и письменной традиций

Ночь как объект  
исторической науки

Историческая наука  
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии  
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94  
ББК 63.3(0)  
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,  
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,  
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),  
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,  
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,  
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,  
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,  
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,  
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,  
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

**Одиссей** : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :  
Наука, 1989 – .

**2008** : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в  
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –  
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

## СОДЕРЖАНИЕ

К читателю .....	5
<b>SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ</b>	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ .....	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ. ....	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА. ....	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г. ....	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой) .....	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой) .....	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ .....	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ .....	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.) .....	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	178

### СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ .....	196

### ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) ( <i>перевод с французского И.К. Стаф</i> ) .....	211

### ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ .....	230

### СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО .....	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в. ....	275

### ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ” .....	302

### ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ( <i>перевод с английского К.А. Левинсона</i> ) .....	337

*Е.Е. Савицкий*

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА) .....	355
---	-----

### ПУБЛИКАЦИИ

*С.А. Степанцов*

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ .....	367
--	-----

### РЕЦЕНЗИИ

*К.А. Левинсон*

#### ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007 .....	382
---	-----

*С.И. Лучицкая*

#### ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2 .....	409
--	-----

*О.Е. Кошелева*

#### ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 .....	417
---	-----

*А.В. Толстиков*

#### СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006 .....	430
--	-----

### ХРОНИКА

*А.В. Свешников, Б.Е. Степанов*

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”) .....	444
---	-----

*М.Ю. Парамонова*

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА .....	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ .....	461
--	-----

SUMMARIES .....	471
-----------------	-----

#### IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007) .....	476
---	-----

# CONTENTS

To the reader .....	5
---------------------	---

## **SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME**

*S.I. Luchitskaya*

INTRODUCTION .....	7
--------------------	---

*A.L. Toporkov*

MAGIC TEXTS IN THE 17 <sup>TH</sup> - AND 18 <sup>TH</sup> -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION .....	13
---	----

*S.I. Luchitskaya*

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE .....	29
---	----

*O.I. Togoeva*

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAS 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL .....	62
--	----

*S. Menache*

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS .....	81
--	----

*M.-Chr. Varol*

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS .....	105
--	-----

*A.A. Kotomina*

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS .....	138
--	-----

*M.I. Vasilenko*

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY .....	155
---	-----

*G.A. Popova*

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 <sup>TH</sup> - AND 13 <sup>TH</sup> -CENTURY TOLEDO) .....	165
---	-----

*S.I. Luchitskaya*

CONCLUSION .....	178
------------------	-----

## **COMPARATIVE HISTORY**

*G.V. Bondarenko*

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS .....	182
--	-----

*P.V. Lukin*

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS .....	196
--	-----

### TIME SECULAR AND SACRED

*A. Kabantus*

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 <sup>TH</sup> –18 <sup>TH</sup> CENTURIES) .....	211
--	-----

### SOCIAL HISTORY

*O.V. Khavanova*

CAREER STRATEGIES IN THE 18 <sup>TH</sup> -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH .....	230
--	-----

### WORD AND IMAGE IN CULTURE

*O.F. Kudryavtsev*

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC .....	251
---	-----

*I.G. Galkova*

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 <sup>TH</sup> -CENTURY CHURCH BUILDING .....	275
---	-----

### HISTORIAN AND TIME

*S.L. Kozlov*

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i> .....	302
--	-----

### DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

*P. Burke*

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY .....	337
--	-----

*Ye.Ye. Savitsky*

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE) .....	355
---	-----

## PUBLICATIONS

*S.A. Stepantsov*

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS ..... 367

## BOOK REVIEWS

*K.A. Levinson*

## ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 ..... 382

*S.I. Luchitskaya*

## THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 ..... 409

*O.Ye. Kosheleva*

## OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 ..... 417

*A.V. Tolstikov*

## LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 ..... 430

## CHRONICLE

*A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov*

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20<sup>TH</sup> ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) ..... 444

*M.Yu. Paramonova*

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS ..... 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 ..... 461

- SUMMARIES ..... 471

## IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) ..... 476



О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ  
И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

***Kivelson V. Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006.***

Мне удалось стать случайным свидетелем неуволимого момента, в который историк вдруг начинает “видеть” новую тему своего исследования. “Я, наверное, напишу книгу об этих картах”, – сказала занимавшаяся в читальном зале российского архива американская исследовательница Валери Кивельсон, обращаясь не столько ко мне, сколько к самой себе. Эти ее давние слова вспомнились сейчас, когда книга “Картографирование царства: Земля и ее значения в России семнадцатого столетия” вышла в свет. Тогда они меня удивили, поскольку я знала, что Кивельсон работает совсем над другой темой, и поскольку думала, что карты – это материал для географов. Но Валери рассуждала иначе: карты – прекрасный материал для историка. Сегодня она оказалась в этом не одинока – в последнее время вышло немало исследований, посвященных картографии разных стран и написанных именно с исторической и социокультурной точек зрения.

Почему вдруг карты так заинтересовали Валери Кивельсон? Это произошло не случайно. В 1997 г. вышла монография исследовательницы о российском провинциальном дворянстве XVII в.<sup>1</sup> (в скобках заметим – книга выдающихся достоинств), а дворяне постоянно имели тяжбы по земельным вопросам. В связи с этими тяжбами появилась новая практика картографирования собственности, удостоверяющая границы владения (ранее это делалось изустно, через рассказы старожил). В XVII в. она стала достаточно распространенным явлением. Таким образом, при работе над “дворянской” темой карты (а точнее – планы местности) не могут не попадаться исследователю на глаза. А уж если встретилась такая “карта”, то никто не отложит ее равнодушно в сторону: изображения домиков, деревьев, дорог, болотин и речек, кладбищ и церквушек неумолимо притягивают и заставляют с умилением рассматривать этот ушедший в прошлое мир. К сожалению, читатель данной рецензии лишен возможности увидеть 114 карт, представленных в книге, и это, естественно, несколько затруднит его представление о том, о чем далее пойдет речь.

И вот – книга вышла в свет. Из ее подзаголовка – “Земля и ее значения в России семнадцатого столетия” – ясно, что она – о *смыслах*, которые вложены в эти разнообразные, старательно сделанные

изображения русской земли. Кивельсон исходит из того, что картографическое изображение какой-либо местности, призванное отразить ее вполне конкретную реальность, отражает совсем иное – представления и намерения создателей карт, отношение людей к своей и чужой земле. Кроме того, карты дают возможность – как на частном, так и на государственном уровне – значительно исказить действительность. Это явление даже оказалось специальным объектом исследования в книге “Как лгать с помощью карт”<sup>2</sup>. Один из наиболее ярких примеров таких искажений – случай, описанный Кивельсон, когда два землевладельца, претендовавшие на один и тот же участок земли, подали в суд его совершенно разные изображения, а посланный выяснить истину подьячий предоставил третий вариант плана той же местности. Подобные отклонения от “правды жизни” встречаются и на картах Сибири, которые использовались на правительственном уровне.

Карты оказываются втянуты автором в “споры о главном” – о характере Московского царства. Зарубежные исследователи всегда имели на этот счет свое мнение, весьма отличное от взглядов отечественных историков. Образ кошмарного, варварского, тиранического государства, в котором все – рабы, сложился еще в записках иностранных путешественников о Московии и продолжал успешно существовать в англо-американской историографии XX в. Название недавней книги американского исследователя Маршалла По “Народ, рожденный для рабства: Россия в европейской этнографии раннего Нового времени”<sup>3</sup> хорошо отражает этот взгляд на Россию. Самым поразительным и отвратительным для зарубежных исследователей и в XVI, и в XX в. оставалась непонятная им любовь “рабов” к этой тиранической системе, готовность отдать жизнь за угнетающее их государство. Однако в последние десятилетия в американских исследованиях по истории России появилась новая струя. Примитивная схема государства – “тиран и его рабы” – перестает быть удовлетворительной, и на смену ей приходит понимание того, что государство “Московия” – крайне сложный “механизм” взаимодействия власти и различных слоев населения, в котором можно разобраться, только изучая работу множества его “деталей” досконально и постепенно. Так, Нэнси Коллманн, профессор Стэнфордского университета, пришла к выводу, что чрезвычайная распространенность в Московии системы отставивания чести через суд противоречит представлению о том, что “все – рабы”; в результате исследовательница взяла на себя труд подробно изучить систему, связанную с судебным “казусом бесчестия”<sup>4</sup>. Валери Кивельсон в своей работе тоже подходит к Московии не как к враждебной и отсталой, а как к “другой” стране с малопонятной системой отношений. Она справедливо полагает, что подход зарубежных исследователей к истории России с точки зрения

того, чего в ней не было (а именно – европейских гражданских прав, понятия цивилизованности и пр.), непродуктивен и исчерпал себя; пора изучать то, что реально было в России, а не сетовать по поводу отсутствия чего-либо (с. 10–12)<sup>5</sup>.

Задачи исследования, обозначенные во введении, впечатляют. В. Кивельсон предполагает “переосмыслить российскую историю с новой стороны – со стороны пространства. Этот взгляд с точки зрения пространственности, в свою очередь, ставит новые вопросы и дает новые ответы на вопросы, уже известные и вполне знакомые, – о сущности самодержавной власти, о развитии крепостничества, об имперской экспансии, о значении ценностей православия для населения, о роли подданных в политической системе государства” (с. 6). Такая постановка вопроса сразу интригует читателя – неужели автору удастся все это проделать на основе “доморощенных чертежиков”, которыми пестрит это прекрасно иллюстрированное издание? Однако Кивельсон не мнит здесь себя первопроходцем – ее вера в успех основана на уже опробованных методах современной историографии: “...сторонники исторической антропологии (cultural historians) ринулись в историю картографии и нашли способы распознавать в кажущихся совершенно *безличными* очертаниях карт сведения по гендерной истории, истории классов, религий и других сторон жизни” (с. 5).

Книга тематически делится на две части: в первой из них рассматриваются карты-планы различных мест и местечек Центральной России, появившиеся благодаря судебным земельным тяжбам, во второй говорится о картах, созданных в процессе освоения Сибири. В первом случае карты были созданы в результате частных нужд и интересов, но апеллировали к государству; во втором случае речь шла о деле государственной важности, в котором ярко проявлялась частная инициатива. Несмотря на принципиальные отличия этих двух разновидностей карт, В. Кивельсон удается найти в них нечто общее, поиск этого “общего”, собственно говоря, и есть ее исследовательская задача, поскольку в нем, по ее гипотезе, содержатся “неотрефлексированные представления о пространстве” русских людей.

Остановимся на первой части исследования, состоящей из следующих глав: 1) “История и историография картографии в Московии”; 2) “Отношения с законом: картография, власть и правовые возможности”; 3) “Знаки в пространстве: ландшафт и собственность в обществе крепостного права”; 4) «“Души праведных в светле месте”: ландшафт и православие в XVII столетии».

В этих главах впервые карты-планы частного землевладения используются в качестве массового источника, что позволяет сравнивать их друг с другом и приходиться к новым выводам<sup>6</sup>. Автор рас-

сказывает о том, кто, как и с какой целью создавал такие карты. Картографирование земельной собственности зародилось не как мероприятие, задуманное в центре, а как частная инициатива на местах. Ее проявляли и помещики, и городские общины, и монастыри. Из 191 создателя планов-карт, которых В. Кивельсон удалось идентифицировать, 72 человека – это подручные местного воеводы или служащие московских приказов, а остальные 119 человек – мелкий провинциальный люд (с. 40). Специального обучения чертежному ремеслу не существовало вплоть до петровского времени. Карты чертили “разных чинов люди”, не имевшие никакого представления о долготе и широте и прочих картографических премудростях, делая это “как Бог на душу положит”. Тем не менее эти карты имеют между собой много общего, в них употреблялись схожие символы, географические ориентиры и многое другое.

Кивельсон ставит перед собой задачу через эти карты-планы уловить *диалог власти и подданных*. Практика межевания земель, действительно, являлась почвой для такого напряженного диалога, и его проблематизация исследовательницей представляется весьма перспективной.

Планы земель, которые рассматривает Кивельсон, создавались в ходе земельных тяжб и находились в материалах судебного делопроизводства. В основном это дела о пограничных земельных спорах. Представить себе в лицах такую тяжбу легко каждому, знакомому с шутилой пьесой А.П. Чехова “Предложение”. Помещики – соседи по имени – до умопомрачения спорят о том, кому из них принадлежит мало к чему пригодные Воловы Лужки, входившие клином между березняком и болотом.

Такие же мелочные земельные споры о том, кому принадлежат пустоши или сенные покосы, подданные выносили на суд государства, замечает В. Кивельсон. Судебные приставы из Москвы ездили в глушь, делали опросы и чертили планы, чтобы точно установить, чьи же эти “Воловы Лужки”. Многочисленные земельные тяжбы, считает Кивельсон, демонстрируют, что система царского суда, хоть и была громоздкой и несовершенной, все же действовала, реализуя определенные правовые нормы. Картографирование владельческих земель подняло следствие по таким тяжбам на новый уровень: ранее описания границ были устными и весьма неотчетливыми. Кивельсон приводит много случаев земельных тяжб, в которых границы по традиции определяли опросом старожилов, а они, к примеру, вспоминали, что основным ориентиром межю являлась большая сосна и придорожный камень. Но годы шли, появлялись новые сосны, а прежние – исчезали, камни зарастали травой и уходили в землю; иначе говоря, ранее бывшие четкими, ориентиры границ со временем переставали быть таковыми. У занимавшихся межеванием при-

казных людей голова шла кругом: свидетельства одних местных жителей полностью противоречили свидетельствам других. Картографирование сделало возможным надежнее документировать земельную собственность. Карты-планы стали весомым аргументом в различных спорах, в том числе и в тех, когда городские общины отсуживали свою земельную собственность. Настаивая на межевании земли, на присылке межевщиков из центра и составлении ими точных планов, к которым в дальнейшем можно было апеллировать при спорах, провинциальные подданные, считает В. Кивельсон, формировали связи с центральной властью. Их “лужки” становились “зримой” на плане частью государевой земли, которая находилась под защитой и покровительством самодержца, являвшегося гарантом этой их “совместной” с ним земельной собственности.

В вышеупомянутую историографическую схему Московского царства – “царь – тиран, угнетающий своих рабов” – такая позиция вносит очевидные новшества, показывая, что власть и подданные находились в определенном позитивном содружестве. В рамках же советско-марксистской схемы о классовой сущности власти очевидно и естественно, что государство защищало права землевладельцев на собственность. Впрочем, книга Кивельсон не ориентирована исключительно на “схемы”, она написана в другом ракурсе: исследование рассматривает важный вопрос *конкретных* практик, через которые осуществлялась связь “центра” и провинции, власти и подданных. Действительно, именно такой подход дает возможности сущностно охарактеризовать власть. Однако противопоставление двух “субъектов” (власти и подданных на местах), между которыми происходит “диалог”, мне представляется широко распространенной, но весьма упрощенной конструкцией. Если в тексте монографии “подданные” – это конкретные помещики, крестьяне, церковники и другие люди, собственность которых так наглядно представлена в конкретных картах-планах, то “власть” (“самодержавное правительство”, Москва, “центр”) – это некая абстракция, надмирная сила. Возможен ли с такой “субстанцией” какой-либо “диалог”? “Власть”, однако, при ближайшем рассмотрении (что, например, недавно было осуществлено в исследовании П. Седова “Закат Московского царства”<sup>7)</sup> оказывается воплощенной во вполне конкретных людях – боярах таких-то и таких-то. Они были связаны с населением на местах множеством уз: в провинции – их клиенты, их земли, их монастыри, их крестьяне. Именно те, кто в уездах имел связь с “сильными людьми” “наверху”, в первую очередь и обращались в Москву с земельными исками, добивались картографирования своей собственности. Мне представляется, что далеко не всегда для разрешения споров о земле обращались в московские суды. Их решали и своими домашними средствами. Обычное право было дешевле и привычнее, чем омут

“московской волокиты”. И если бы не уплата налогов и выполнение различных государственных повинностей, которыми постоянно беспокоили провинцию из центра, там и не вспоминали бы о Москве.

Смещение акцента в оппозиции “власть – подданные” с действиями власти по отношению к подданным на действия подданных по отношению к власти отчетливо проявилось в работе Кивельсон. Такой угол зрения становится популярным в современных трудах, на что определенное влияние оказало замечательное исследование израильского историка Гади Альгази (ссылка на него есть и у Кивельсон: с. 222, примеч. 55). Альгази на материале процедуры провозглашения законов на немецких сельских сходах (*Weisung*) показал, как практически бесправные крестьяне, даже безмолвствуя, посылали свой “message” власти<sup>8</sup>. Своеобразным “посланием” российских подданных в “центр” в книге Кивельсон оказываются планы провинциальных местностей, скопившиеся в московских приказах. “И местные землевладельцы, и крестьяне, каждый – по своим причинам, были весьма заинтересованы в том, чтобы их замечательные заросли малины и дуб с двумя макушками были зафиксированы и на них могли бы посмотреть чиновники в далекой Москве”, – пишет автор (с. 83). И те, и другие прикладывали совместные усилия к тому, чтобы их место проживания стало узнаваемым по различным ландшафтным особенностям и нашло свое обозначение в российских бескрайних просторах.

Удалось ли Кивельсон на основе материалов картографирования зафиксировать “феномен Бобчинского”, когда для безызвестного провинциального человека чрезвычайно важно, чтобы о его существовании узнали “наверху”? Или, как подчеркивает Кивельсон, важным для человека был сам по себе факт фиксации его владений властями, равный официальному признанию его земельной собственности? В любом случае такие настроения подданных – большая победа государственной внутренней политики, которая, как мне представляется, в XVII в. проводилась государством еще неосознанно. Если заглянем в 60-е годы XVIII в., когда Российская академия наук для составления общероссийского атласа умоляла и требовала провинциальные власти прислать в центр сведения о своем регионе, то увидим на местах малый энтузиазм по этому поводу. Мне представляется, что “феномен Бобчинского” в XVII в. – достаточно редкое явление, в российской провинции скорее стремились оставаться как можно более незаметными для центра, считаться бедными и убогими, чтобы претензий у властей было меньше. Отношения центра и провинции невозможно охарактеризовать однозначно, они были разнообразны, и в их истории остается еще много открытых вопросов<sup>9</sup>. Отрадно, что в монографии американской исследовательницы они поставлены.

Среди подданных российского государства Кивельсон особо выделяет крестьян – они оказываются значимыми фигурами и для процесса картографирования, и для сущностного содержания планов-карт.

Карты на своей оборотной стороне содержат подписи сотен опрошенных жителей, подтвердивших границы того или иного владения. Из них становится очевидным, что в процессе определения границ земельных владений местные крестьяне принимали активное участие и зачастую именно от их показаний зависела линия межи на плане.

Крестьяне имеют и прямое отношение к тому, как понятие земельной собственности осмысливалось в России в пространственных категориях. Это понятие, поясняет автор, у разных народов формировалось по-разному. Например, для англичан доказательством принадлежности им какого-либо клочка земли служили посевы, окруженные изгородью – кто это сделал, того и земля. Для российского человека “его” землей оказывалась та, на которой жили и работали его крестьяне. Значимость крестьян “на земле” нашла зримое отражение в картах-планах. На большинстве из них отмечены крестьянские избы. Более того, многие рисунки изображают их с изукрашенными окнами и коньками на крышах. “Изображения крестьянских изб, – пишет Кивельсон – оживляют карты, на которых дома землевладельцев либо отсутствуют вовсе, либо скупо обозначены, а крестьянские жилища маркируют на карте обжитую и обработанную землю” (с. 87). Подтверждение мысли исследовательницы можно, как это ни странно, обнаружить в уже упомянутой пьесе Чехова: в доказательство того, что земля принадлежит именно ей, помещица говорит: “Сегодня же пошлю своих косарей на Воловьи Лужки”<sup>10</sup>.

Показательно сравнение российских карт-планов с картами американских плантаций, относящихся к XVII в., на которых нет изображений поселений рабов, безусловно, в действительности там имевшихся. Один взгляд на помещенную в книге карту 1680 г. плантаций в Южной Каролине (с. 94) достаточен, чтобы заметить совершенно иные принципы и приемы изображения владельческой земли. В российской действительности помещик и крестьяне были тесно связаны и отношениями собственности, и социокультурными отношениями. Дворяне имели правовые основания владеть российской землей постольку, поскольку их крестьяне платили с нее государственные налоги. Связь крестьян с землей определяла их значимое и уважаемое в государстве место. Нельзя, считает Кивельсон, отождествлять рабов Нового Света, совершенно исключенных из жизни общества, с российскими крепостными, которые являлись неотъемлемой частью российского государства. Исчезновение крестьян с земли делало ее “пустошью”, права на которую было уже трудно доказать.

Однако земля являлась не только собственностью, отстаиваемой в суде, – она была также и “творением вездесущего Господа, с загадками и потаенными смысловыми значениями, таящимися в ее холмах и долинах” (с. 99). Отразилась ли в картах – этих сугубо светских произведениях пера мелкого люда – особенность отношения к земле именно православного человека XVII столетия? Поставив вопрос таким образом, американская исследовательница начинает разглядывать карты-планы сызнова уже под этим углом зрения. Первое, что бросается ей в глаза, – это несоответствие прозаического назначения карты – обозначить границы определенного владения – его “праздничному”, яркому, “узорчатому” воплощению. Некоторые из создателей карт шли простым путем: рисовали окружность и в ней писали: “деревня такая-то”, но многие – изображали ряд избушек с характерными архитектурными деталями, рисовали деревья, луга, посевы и другие ландшафтные признаки. Отсутствие собственной картографической традиции и авторитетных канонов и образцов позволяло людям XVII в. самостоятельно решать, что и каким образом изображать. Отсюда появилась такая отличительная черта карт, как избыточность их изображений. Она более всего проявилась в изображениях архитектурных сооружений и деревьев, которые для практических целей карты совершенно не нужны.

На картах-планах всегда изображались церкви. Они – и топографический ориентир, и феномен, присущий русской земле. Автор продельвает сравнение изображений архитектуры и флоры на картах с изображениями на иконах, справедливо полагая, что самыми яркими зрительными образами для картографов-дилетантов была церковная живопись. Многоцветье трав и деревьев на фресках и иконах XVII в., изображавшее райские кущи, находит аналоги в большинстве карт. Иконописцы и картографы использовали одинаковые знаковые системы, одни – чтобы изобразить мир иной, другие – этот, их реальный, земной, но Богом сотворенный на радость людям мир российской провинции. Безусловно, российская провинция была далеко не райской землицей, однако изображалась она именно так. Почему? На этот вопрос Кивельсон опасается давать скороспелый ответ. Она обращает наше внимание на две исключаящие друг друга точки зрения на православное мировосприятие Древней Руси: либо оно было мрачным, пронизанным страхом наказания за грехи, либо светлым и радостным. Однако суждения историков по этому поводу исходят из церковных трактатов, напоминает она; сказать же, какво было православное мировосприятие простых людей, оказывается затруднительным. Казалось бы, карты-планы дают нам ключи к его восприятию. Но исследовательница высказывает опасение, что при анализе изображений на картах есть риск увидеть в них отражение



не существовавших в сознании их создателей представлений. Ведь мы не имеем возможности подтвердить наши домыслы письменными текстами, поскольку их нет – за исключением помет “деревня такая-то, принадлежит тому-то”. Мне представляется в этой связи уместным вспомнить общеупотребительное выражение “Святая Русь”. Оно, пожалуй, вполне подходит к тому, что мы видим на земельных планах.

По ходу исследования провинциальных карт В. Кивельсон тем не менее ободряет читателя, говоря, что все же существует некий “Розеттский камень”, который поможет ей расшифровать их язык. Этим “шифровальным ключом” оказываются карты Сибири XVII в., которым посвящена вторая часть монографии (главы: “Послания посредством земли: карты Сибири и провинциальные тексты”; “Возвеличенная и прославленная во веки веков земля: христианство и колониализм”; «“Иноземцев же иноязычников... бесчисленно и не-счетно”: карта сибирских народов и имперская концепция Московского царства»; “Под государевой царской высокой рукою: покоренные народы и имперская политика”).

Сибирские карты – совсем иного типа. Их создание происходило на государственном уровне, осуществляясь через Сибирский приказ, и их целью было изображение новых, неизведанных земель. Тем не менее, считает исследовательница, символический язык, на котором карты XVII в. рассказывали о российском “пространстве”, един для любых карт, независимо от их назначения. Обращение к картам Сибири и текстам, описывающим необычную для россиян дальнюю землю, помогает лучше понять смыслы, стоящие за провинциальными картами-планами.

Карты Сибири и, особенно, работы Семена Ульяновича Ремезова (1642 – ок. 1720), спроецированы на восприятие и “расшифровку” на бумаге божественных знаков земного пространства. Именно они, полагает Кивельсон, являются определенным связующим звеном между элитарной церковной культурой и воззрениями простого народа. Рассмотрение карт Сибири – земли, осваиваемой русскими колонизаторами со времен Ермака, даст нам возможность, пишет автор, увидеть, “почему, в понимании москвитов, Бог создал это райское или адское пространство для их жизни и какое божественное значение содержат его горы и равнины” (с. 118). «Через какую философию и теологию “прочитывается” Российская Сибирь?» – задается она вопросом (с. 132).

На все это было бы совершенно невозможно ответить, если бы не уникальная работа по картографированию, описанию и изучению Сибири С.У. Ремезова. Ремезов, человек многих замечательных талантов, поклонник европейских наук, родился, с точки зрения Москвы, в дальней сибирской глуши – в Тобольске. Однако в понимании

самого Ремезова Тобольск был прекрасным городом исключительной значимости: его абрис в сиянии лучей изображен в центре множества сделанных им карт, в то время как Москвы на них или нет вовсе, или она смотрится рядовым городком Центральной России наряду с Вязьмой или Рязанью. В то же время Ремезов бывал в столице, здесь в Посольском приказе он знакомился с образцами европейских карт, в Сибирском – с картами Сибири. Личность Ремезова столь привлекательна, что рассказ о нем может непозволительно затянуться. Поэтому скажем лишь главное: всю свою жизнь он отдал исследованиям и описанию Сибири. Ремезов составлял не только карты, его перу принадлежит множество текстов исторического и этнографического содержания. Все свои труды Ремезов самостоятельно иллюстрировал.

Помимо трудов Ремезова Кивельсон обратилась и к иным текстам о Сибири, написанным как ее уроженцами, так и приезжими из Центральной России (И. Петелин, В. Атласов, С. Есипов, протопоп Аввакум). В них Сибирь описана как земля с необычной природой, и устрашающая людей, и прекрасная. Восприятие этой земли в их текстах провиденциальное, они видят в ее природе различные религиозные смыслы и значения. Точно такой же ход мысли и у картографов.

Первое, что отмечает Кивельсон в сибирских картах, это то, что Сибирь не изображается как-то особо, как земля неведомая и незнаемая; ее рисуют как “свой дом”, она является просто продолжением России, в ней такие же города, реки и дороги, такие же православные церкви и запаханые поля. Иначе говоря, карты Сибири содержат такой же изобразительный ряд, что и карты-планы провинции Центральной России. Как в провинции размечали границы собственности частного владельца, так и Сибирь картографировали как собственность государства. Ее также изображали как землю, где процело православие. Все это, однако, совсем не соответствовало сибирской действительности.

Второе – на изображаемой земле нет никаких “пустот” (хотя в реальности – как российской, так и, в особенности, сибирской – было множество мест диких и незаселенных). Пустые земли (в том числе “пустоши” Центральной России) в провиденциальном толковании не могли оставаться пустыми – они обязаны были найти хозяев; пустота земли должна быть уничтожена человеческим созиданием, чтобы “обратить этот ужас во что-то полезное” (с. 146), “одомашнить” землю и освятить ее своим православным присутствием. “Бог создал землю для того, чтобы ее использовали; русские колонисты брали на себя ответственность раскрыть потенциальные возможности этой земли”, – пишет автор (с. 146). Исполнение Божественных требований зависело от православных – “заполнить пустующие земли посе-

лениями, заставить работать плуг в обширных, плодородных степях и собрать богатые пушниной леса и кочующих жителей тайги под властной царской рукой” (с. 148). Иначе говоря, Сибирская земля должна была стать такой же благословенной Богом землей под эгидой православного монарха, как и Московия.

Третья важная черта сибирских карт, а именно карт С.У. Ремезова, – это изображение на них народов, населявших Сибирь. Первопроходцев мало волновало спасение душ туземцев, их более тревожило спасение собственной жизни в опасной сибирской действительности. Хотя русские осознавали свою просветительскую роль по отношению к народам Сибири и стремились обратить их в свою веру, тем не менее они не производили насильственных крещений. Жители России хотели продемонстрировать местным народам красоту и мощь православия, православного царя и его подданных. На картах мы видим сияние православия, озаряющего земли “поганых” (с. 161). Для самодержавной государственной политики было важно иметь под рукой царя многие покоренные народы, таким образом царь мог уравнивать свою власть с императорской. И Сибирь блестяще выполняла эту задачу – бесчисленное количество ее народов попало под власть московского самодержца. Ремезов изображал местные народы не как принимающих крещение, а как приносящих дань (пушнину) государю. Большое внимание Ремезов уделял *разнообразию* сибирских племен – он тщательно фиксировал их различия между собой. Эти различия заключались как во внешности и обычаях, так и в отношении к российскому государству. Туземное население Сибири делилось С.У. Ремезовым на народы “мирные” и “немирные”, ясачные и неясачные. При таком “ремезовском” рассмотрении Российской империи она оказывается сложным и неоднородным явлением, – пишет Кивельсон.

В противоположность завоевателям Америки, которые изображали покоренные земли как пустые, не принадлежащие никому конкретно, на русских картах Сибири каждому народу были отведены свои, изображенные четкими окружностями, границы. Существенно то, что границы эти – мифические, поскольку народы Сибири в основном являлись кочевниками. Логика картографа здесь та же, что и у составителей провинциальных планов: земля должна быть “чьей-то”, находиться в условном держании, ничейной земли не бывает. Таким образом, на картах Сибири изображена не реальность, а то, что хотелось видеть с внешнеполитической точки зрения.

В заключении В. Кивельсон еще раз настаивает на своем убеждении, что для жителей Московского царства пространственные представления являлись одной из основополагающих черт их мировосприятия. Царство строилось как иерархическая лестница “разных чинов людей”, на которой каждый имел свое место, зафиксиро-

ванное в различных бюрократических списках; эти же люди имели свое место в пространстве, на русской земле, зафиксированное на картах. В самосознании подданных это были их законные места, которые они могли отстаивать, обращаясь за помощью к власти, и власть поддерживала их. Пространство, таким образом, было одним из факторов, связующих подданных с властью (царем), им было опосредовано несение государевой службы и, в какой-то степени, права подданных.

Думается, что многие из описанных в книге представлений дожили до XX в. Неслучайно по ходу чтения книги американской исследовательницы в моей памяти постоянно возникали строчки советской песни: “От Москвы до самых до окраин, с Южных гор до Северных морей человек проходит как хозяин необъятной Родины своей”. Эта же мысль проходит красной нитью через всю книгу Кивельсон: для создателей карт границы не очень важны – пространство страны необъятно, важно, что человек “проходит по нему” как хозяин, оставляя благотворные следы своей деятельности. И последующие слова советской песни удивительно совпадают с теми изображениями земного рая, о которых пишет Кивельсон.

К возможностям карт как исторического источника автор книги о картографии тем не менее относится вполне объективно и критически. В заключении она пишет, что, несмотря на всю свою информативность, карты не в силах дать полные ответы на важные вопросы: “Я ограничиваю здесь свои утверждения тем, что пространственные представления должны приниматься в расчет как один из центральных организующих принципов социального, политического и религиозного мировосприятия в Московии”, – пишет исследовательница (с. 210). И действительно, на многие вопросы о характере Московского царства, которые поднимает в своей книге Кивельсон, невозможно дать ответ, только исходя из картографии. Но их перспективно решать в серии подобных же исследований, сделанных на основе полного, *проблемного* (а не просто источниковедческого) анализа определенного вида источников. Мне представляется, что такой подход в итоге, в сумме полученных выводов, окажется гораздо более плодотворным, чем вынужденно страдающие поверхностностью традиционные исследования одной проблемы на основе множества источников<sup>11</sup>. Американские исследователи Московии без сознательного умысла уже положили начало такой “серии”: в ней – и монографии, в основу которых положены дела о бесчестии (Нэнси Коллманн), боярские списки и книги (Маршалл По и др.), записки иностранцев (он же), свадебные царские разряды (Рассел Мартин), а также серия статей Дэниела Кайзера о духовных грамотах и теперь “картография” Валери Кивельсон.

Однако сама В. Кивельсон видит интересные перспективы своего исследования в другом смысловом ряду: она утверждает, что картографирование и связанные с ним представления о пространстве складывались в период Нового времени повсеместно, но везде они были различны. Таким образом, карты как исторический источник являются крайне перспективным материалом для сравнительной истории. В своем исследовании Кивельсон неоднократно прибегает к подобным сравнениям, которые делают ее гипотезы более доказательными. "...Анализ пространственных представлений дает нам необычайно эффективные способы сравнения монархий раннего Нового времени и проясняет, что именно формировало различия в основных направлениях исторического развития" (с. 214). С этим заключительным утверждением автора трудно не согласиться, и следует надеяться, что появятся новые труды, подтверждающие его.

<sup>1</sup> Kivelson V. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford (Calif.), 1996.

<sup>2</sup> Monmonier M. *How to Lie with Maps*. Chicago, 1991.

<sup>3</sup> Poe M. "A people born to slavery": Russia in early modern European ethnography, 1476–1748. Ithaca (N.Y.), 2000.

<sup>4</sup> Kollmann N.S. *By honor bound: State and society in early modern Russia*. Ithaca (N.Y.), 1999; русский перевод: Коллманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени / Пер. с англ. А.Б. Каменского; Науч. ред. Б.Н. Флоря. М., 2001.

<sup>5</sup> Здесь и далее ссылки на рецензируемую работу даются в тексте в круглых скобках.

<sup>6</sup> До начала XVII в. карт, сделанных в России, известно всего три. В XVII в. они становятся массовым явлением.

<sup>7</sup> Седов П.В. *Закат Московского царства*. СПб., 2006.

<sup>8</sup> Альгази Г. Господа спрашивают, крестьяне отвечают: Создание традиции на сельских сходах позднего Средневековья / Пер. с англ. К.А. Левинсона // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006. С. 70–110.

<sup>9</sup> В ряду американских исследований последних лет, ориентированных на исследование российской провинции как субъекта российской истории, уместно отметить монографию Даниэля Уо (Daniel Waugh): *Уо Д.К. История одной книги: Вятка и "не-современность" в русской культуре петровского времени*. СПб., 2003.

<sup>10</sup> Чехов А.П. Предложение // Чехов А.П. Избранные произведения: В 3 т. М., 1962. Т. 3. С. 361.

<sup>11</sup> В данном случае интересно сопоставление исследования В. Кивельсон с монографией: Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П. *Сибирь в составе Российской империи*. М., 2007. В ней, к примеру, труды С.У. Ремезова теряются за фактическим изложением и не играют никакой роли, в то время как Кивельсон старается посмотреть на проблемы колонизации Сибири не с сегодняшней точки зрения, а глазами Ремезова и его современников.